

Sally Hepworth

THE MOTHER-IN-LAW

Салли Хэпворс

**МОЯ
ЛЮБИМАЯ
СВЕКРОВЬ**

Москва
2020

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
Х99

Sally Hepworth
THE MOTHER-IN-LAW

Copyright © 2019 by Sally Hepworth

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© Rana Faure / Corbis / Gettyimages.ru;

© servickuz / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с английского *Анны Комаринец*

Художественное оформление *Анастасии Ивановой*

Хэпворс, Салли.

Х99   **Моя любимая свекровь / Салли Хэпворс ; [перевод с английского А. А. Комаринца]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.**

ISBN 978-5-04-106794-6

Отношения свекрови и невестки — такая же вечная тема, как противостояние отцов и детей. Семейная драма Салли Хэпворс — блистательный микс семейной драмы и экшена.

С первой минуты знакомства Диана держала невесту своего сына Люси на расстоянии вытянутой руки. Это было незаметно, но Люси чувствовала, что не пришлось ко двору, и изо всех сил пыталась завоевать расположение свекрови, мечтая обрести в ее лице давно умершую мать и доброго друга. И каждый раз натывалась на холодную стену равнодушия.

Так было десять лет назад. Теперь же Диана найдена мертвой в собственном доме. Предсмертная записка гласит, что она устала бороться с раком, но вскрытие обнаружило следы насильственной смерти. Кто и за что мог убить Диану?

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Комаринец А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-106794-6

Моей свекрови Энн, которую мне
никогда не хотелось убить. И моему
свекру Питеру, которого — время
от времени — убить хотелось.

1

ЛЮСИ

НАСТОЯЩЕЕ...

Стоя у обеденного стола, я складываю постиранное, когда подъезжает полицейская машина. Подъезжает без особого шума — ни сирен, ни мигалок, и все равно у меня начинает сосать под ложечкой, — так мать-природа предупреждает, что не все в порядке. Ранний вечер, но уже собираются сумерки, и на соседской веранде загораются огни. Время ужина. Полиция не объявляется у вас на пороге в такое время, если случилось что-то дурное. Я заглядываю через арку в гостиную, где мои ленивые дети развалились тут и там, каждый уткнулся в собственный гаджет. Живые.

Невредимые. В добром здравии, если не считать, пожалуй, легкой экранной зависимости. Семилетний Арчи смотрит на большом айпаде, как некая семья играет в приставку; четырехлетняя Харриет на своем маленьком айпаде — как маленькие девочки в Америке разворачивают игрушки. Даже двухлетняя Эди, разинув рот, смотрит телевизор. Я испытываю некоторое облегчение, что вся моя семья под одной крышей. По крайней мере, большая ее часть. «Папа! — вдруг думаю я. — Ох, нет, пожалуйста, только не папа!»

Я перевожу взгляд на полицейскую машину. Свет фар пробивается сквозь легкую морось.

«По крайней мере, это не дети, — виновато шепчет мне внутренний голос. — По крайней мере, это не Олли».

Олли на задней веранде жарит гамбургеры. В безопасности. Сегодня он рано вернулся с работы, по-видимому, не очень хорошо себя чувствует, хотя и не выглядит особенно больным. В любом случае он жив, и я от всего сердца благодарна ему за это.

Дождь немного усилился, морось превратилась в четкие капли. Полицейские глушат мотор, но не вылезают сразу. Я скатываю пару носков Олли и кладу их поверх стопки его белья, а затем тянусь за следующей парой. Мне бы надо встать, подойти к двери, но руки про-

должают складывать на автопилоте, как будто, если я буду вести себя так, словно ничего не случилось, полицейская машина перестанет существовать и все снова будет хорошо. Но это не срабатывает. Дверца со стороны водителя открывается, из машины вылезает полицейский в форме.

— Ма-а-а-ам!— кричит Харриет. — Эди смотрит телевизор!

Две недели назад известная журналистка публично высказалась о том, какое отвращение у нее вызывает то, что дети в возрасте до трех лет подвергаются воздействию телевидения, она даже до того дошла, что назвала это «жестоким обращением с детьми». Как и большинство австралийских матерей, я пришла в ярость и разразилась предсказуемой обличительной речью: «Да что она знает? У нее, наверное, целая команда нянь, и она ни одного дня в жизни за детьми не присматривала!», но потом стремительно ввела правило «никакого телевизора для Эди», которое продержалось ровно до того момента двадцать минут назад, когда мне надо было поговорить по телефону с компанией — поставщиком электроэнергии, а Эди прибегла к своему старому трюку «Мама, ма-а-а-ама, МА-А-АМА», так что я сдалась, включила ей серию «Уигглз» и ушла в спальню, чтобы закончить телефонный разговор.

— Все в порядке, Харриет, — говорю я, не отрывая глаз от окна.

Передо мной появляется сердитое личико Харриет, ее темно-каштановые вихры и густая челка развеваются вокруг лица, как нити у швабры.

— Но ты же СКАЗАЛА...

— Не важно, что я сказала. Несколько минут погоды не сделают.

Копу на вид лет двадцать пять, в лучшем случае тридцать. Фуражку он держит в руке, но сует ее под мышку, чтобы поддержать спереди слишком тесные брюки. Невысокая, полная полицейская того же возраста выбирается со стороны пассажирского сиденья, ее фуражка точно прилипла к голове. Обойдя машину, они бок о бок идут по дорожке. Они точно идут к нам. «Нетти, — внезапно думаю я. — Это на счет Нетти».

Такое вполне возможно. У сестры Олли в последнее время были проблемы со здоровьем. Или, может, это Патрик? Или это что-то совсем другое?

Суть в том, что в глубине души я знаю, что это не Нетти, не Патрик и не папа. Забавно, но иногда просто знаешь.

— Бургеры готовы.

Со скрежетом открывается дверь с веранды, и на пороге появляется Олли с полной тарелкой.

Девочки бросаются к нему, а он щелкает огромными щипцами, как крокодил челюстями, они подпрыгивают и визжат так громко, что почти заглушают стук в дверь.

Почти.

— Там кто-то пришел? — Олли поднимает бровь скорее с любопытством, чем с беспокойством. На самом деле он выглядит оживленным: «Нежданный гость в будний вечер! Кто бы это мог быть?»

Из нас двоих общительный как раз Олли. Это он добровольно вызвался войти в школьный родительский комитет, потому что «это хороший способ познакомиться с людьми». Это он останавливается у забора, чтобы поздороваться с соседями, если слышит, как они разговаривают в саду. Это он подходит к людям, которые выглядят смутно знакомыми, и пытается выяснить, знают ли они друг друга. Легкий на улыбку и на подъем. Для Олли неожиданный стук в дверь в будний день предвещает скорее приключение, чем что-то зловещее.

Но, конечно же, он не видел полицейскую машину.

Эди уже мчится по коридору.

— Я открою, я открою.

— Погоди-ка, Эди-букашка, — говорит Олли, ища, куда бы поставить тарелку с гамбургерами. Однако он недостаточно быстр, потому

что к тому времени, когда он находит место на стойке, Эди уже распахивает дверь.

— Полиция! — благоговейно восклицает она.

Разумеется, как раз тут мне полагается побежать за ней, перехватить полицейских у двери и извиниться, но мои ноги словно приросли к полу. К счастью, Олли уже нагнал трусцой Эди и игриво ерошит ей волосы.

— Привет, — говорит он копам.

Он оглядывается через плечо на гостиную, его мысли заняты тем, что он делал несколько секунд назад, возможно, он думает, не забыл ли он перекрыть газ под жаровней или надежно ли поставил на стойку тарелку с бургерами. Это типичное непритязательное поведение человека, который вот-вот получит плохие новости. У меня взаправду такое чувство, будто я вижу мою семью в телевизоре: красивый, ни о чем не подозревающий папа, милая малышка. Обычная семья из пригорода, жизнь которой вот-вот поставят с ног на голову... разрушат навсегда.

— Чем могу быть полезен? — наконец произносит Олли, снова переводя взгляд на копов.

— Я старший констебль Артур, — слышу я женский голос, хотя с моего места у стола мне ее не видно, — а это констебль Перкинс. Вы Оливер Гудвин?

— Так и есть.

Олли улыбается Эди и даже подмигивает ей. Этого достаточно, чтобы убедить меня, что я слишком драматизирую. Даже если новости плохие, то, может быть, не совсем уж ужасные. Может, они вообще не для нас плохие. Может, ограбили кого-то из соседей? Полиция всегда прочесывает местность после чего-то подобного, так ведь?

Внезапно я ловлю себя на том, что с нетерпением жду того момента, который наступит через несколько минут, когда я узнаю, что все в порядке. Я думаю о том, как мы с Олли посмеемся над моей паранойей. «Ты не поверишь, что мне пришло в голову», — скажу ему я, а он закатит глаза и улыбнется. «Вечно ты волнуешься, — скажет он. — Как ты вообще справляешься со своей тревожностью?»

Но когда я осторожно делаю несколько шагов вперед, то понимаю, что мои опасения не напрасны. Я вижу это по мрачному выражению лица полицейского, по тому, как опущены у него уголки рта.

Женщина-полицейский смотрит на Эди, потом снова переводит взгляд на Олли.

— Мы можем где-нибудь поговорить... без свидетелей?

На лице Олли появляются первые признаки неуверенности. Его плечи напрягаются, и он чуток выпрямляется. Возможно, это получается

бессознательно, но он отталкивает Эди от двери, словно заслоняет ее от чего-то.

— Эй, Эди-букашка, хочешь поставлю тебе «Уигглз»? — говорю я наконец, делая большой шаг вперед.

Эди решительно мотает головой, не сводя глаз с полицейских. Ее мягкое круглое лицо светится интересом, ее толстые шаткие ножки точно вросли в пол.

— Ну же, милая, — снова пытаюсь я, проводя рукой по ее бледно-золотистым волосикам. — Как насчет мороженого?

Вот это уже дилемма для Эди. Она смотрит на меня долгим взглядом, прикидывая, можно ли мне доверять. Я кричу Арчи, чтобы он достал «Пэддл попс», и она убегает по коридору.

— Входите, — говорит Олли полицейским, и они входят, бросая мне быструю вежливую улыбку. Улыбку, которая словно бы извиняется. Улыбка, которая пронзает мне сердце, выбивает меня из колеи. Дело не в соседях, говорит эта улыбка. Плохие новости для вас.

В нашем доме не так много мест, где можно уединиться, поэтому Олли ведет полицию в столовую и отодвигает от стола пару стульев. Подойдя следом, я смахиваю свежесложенное белье в корзину. Стопки обваливаются друг на друга, как рушащиеся здания. Полицейские садятся на стулья, Олли пристраивается на подло-

котнике дивана, а я остаюсь напряженно стоять.
Я вся внутренне подбираюсь.

— Во-первых, я должен удостовериться, что вы являетесь родственниками Дианы Гудвин...

— Да, — отзывается Олли, — это моя мать.

— Тогда с прискорбием должна вам сообщить, — начинает женщина, и я закрываю глаза, потому что уже знаю, что она собирается сказать.

Моя свекровь мертва.